

Казалось, будто император и Чу Сюмин рождены врагами. Когда Чу Сюмин был в столице, у Его Величества не было ни одного спокойного дня. Незадолго до наступления нового года ему сообщили о восстании в Шу. Император хотел отправиться к молодой наложнице, которая была у него в фаворе, но, узнав об этом, он был не в настроении. Он даже чуть не упал в обморок от гнева.

- Что ты имеешь в виду? Сколько там повстанцев?

Маленький евнух, пришедший сообщить новость, упал на землю, не смея даже поднять голову, а евнух Ли Фу, стоявший за императором, боялся дышать, и мог только одарить маленького евнуха сочувственным взглядом. Евнух дрожащим голосом сказал:

- Отвечаю Вашему Величеству, там несколько тысяч человек.

Император повалил маленького евнуха на землю и пнул его несколько раз. Маленький евнух даже не осмелился плакать. К тому времени, как император закончил выплескивать свой гнев, голова маленького евнуха уже была разбита и кровоточила, все его тело свернулось калачиком на земле, он едва дышал.

Император выглядел еще более раздраженным:

- Вытащите его отсюда.

Ли Фу поспешно попросил двух других евнухов отнести несчастного к выходу из зала, достал из кармана немного серебра и сказал:

- Сейчас Новый год, постарайтесь спасти его.

Это было действительно незаслуженное бедствие, но пусть лучше император изливает гнев на других, чем на него.

Два маленьких евнуха тоже были обеспокоены. Они энергично кивали, но не решались принять серебро Ли Фу. После того, как Ли Фу сунул его им, они ушли. Серебро предназначалось для других евнухов, а не для этих двух маленьких слуг. Ли Фу в душе вздохнул: чем старше он становится, тем мягче его сердце. Это был добрый поступок.

Ли Фу вошел и увидел, что император сидит в кресле. Кровь на полу была убрана, как будто ничего не произошло. Ли Фу налил императору чашку воды. Это был не чай, а холодная вода. Обычно он не посмел бы отдать такое императору, но когда император был в гневе, ему нравилась именно такая вода.

Как и ожидалось, император выпил две чашки, прежде чем сказал:

- С этим маленьким евнухом все в порядке?

- Отвечаю Вашему Величеству, с ним все в порядке, его только что вынесли, и он может идти самостоятельно, - Ли Фу слегка опустил глаза.

Император ответил:

- Пусть кто-нибудь позаботится об этом.

- Слушаюсь, Ваше Величество, - Ли Фу лучше всех знал императора. Он был тираничным и подозрительным человеком, но он также больше всего заботился о своей репутации. - Это также благословение маленького евнуха.

На самом деле император не заботился об этих тысячах мятежников. У него миллион солдат... Но в его руках не было даже половины армии. При мысли об этом лицо императора стало еще более мрачным. Что, черт возьми, делают эти ублюдки? Чем больше он думал об этом, тем больше злился.

- Об этом не должно стать известно Чу Сюмину.

Ли Фу не произнес ни слова, как будто не слышал слов императора. Император не ожидал, что евнух тоже что-то знает. Дело в провинции Минь завершилось совсем недавно, Чу Сюмин еще не был достаточно приручен. Теперь что-то случилось в Шу... В обоих этих местах все еще были люди из его фракции. Если выяснится, что его ставленники оказались слишком некомпетентными, может показаться, что император плохо разбирается в людях. Разве это не будет большим позором?

- Иди и пошли кого-нибудь позвать лорда Чэна, - холодно приказал император.

Ли Фу почтительно ответил, когда император неожиданно сказал:

- Подожди пока, мы вызовем его завтра.

Было бы слишком заметно внезапно вызвать лорда Чэна во дворец в это время ночи:

- Завтра скажи, что императрица скучает по своей семье.

- Слушаюсь, - Ли Фу, однако, чувствовал, что это дело не такая уж мелочь, его будет невозможно скрыть. Император слишком завидовал Юннин Бо, или, возможно, слишком боялся Чу Сюмина.

В резиденции Юннин Бо Чу Сюмин кивнул, услышав слова Юэ Вэня, и сказал:

- Я понял.

Управляющий Чжао посмотрел на Чу Сюмина и сказал:

- Из дворца до сих пор нет никаких новостей, я думаю, император не хочет, чтобы люди знали, но разве такое можно скрыть?

Чу Сюмин слегка нахмурился, управляющий все еще неправильно оценивал мысли императора. Следует сказать, что ни один нормальный человек не мог понять мысли императора.

- Каковы планы генерала? – спросил управляющий Чжао.

Чу Сюмин сказал:

- Я боюсь, что император отошлет меня из столицы до наступления первого дня года.

Глаза управляющего Чжао загорелись, но когда он подумал о животе молодой госпожи, он понял, почему лицо Чу Сюмина стало таким уродливым:

- Может быть, император думает, что раз генерала не будет в столице, он не узнает о новостях? Или он отправит генерала в Шу, чтобы подавить мятеж?

Чу Сюмин покачал головой, император не был таким наивным, и после инцидента в Минь, боюсь, что император не отдаст дело Шу в руки Чу Сюмину. Минь можно рассматривать попыткой императора украсть курицу, но обернувшейся потерей риса*. Даже если император снова пришлет чиновников, он не допустит, чтобы Шу также попал в руки Чу Сюмина.

(ПП: пойти за курицей, но потерять рис – идиома, означает попытаться обмануть других, но самому попасться в ловушку)

Управляющий Чжао задумался на мгновение и сказал:

- Почему бы генералу не поговорить об этом с госпожой?

Чу Сюмин кивнул и больше ничего не сказал. Пока император был правителем, а он министром, есть некоторые вещи, с которыми он не может помочь.

Когда он вернулся в свою комнату, Шэнь Цзинь еще не легла спать и разговаривала с момо Чжао. Увидев Чу Сюмина, момо Чжао улыбнулась и вышла.

Чу Сюмин снял одежду и ботинки, тоже сел в постель и, коснувшись живота Шэнь Цзинь, спросил:

- Ребенок создает проблемы?

- Нет, - Шэнь Цзинь было немного щекотно от этого прикосновения, и она увернулась от него, смеясь. - Ребенок очень хорошо себя ведет.

Чу Сюмин задумался на мгновение и рассказал ей о том, что произошло в Шу. Шэнь Цзинь уставилась на него круглыми глазами:

- Это... - сколько же вредных вещей сделали эти люди, чтобы довести народ до такого состояния. - Боюсь, что жить там совсем невозможно. Если бы у них оставался способ выжить, они бы не стали так поступать.

- Да, - сказал Чу Сюмин. - Сегодня новости пришли во дворец.

- Я попрошу кого-нибудь помочь тебе одеться, - Шэнь Цзинь подумала, что Чу Сюмин скоро отправится во дворец, поэтому сказала. - На улице холодно, выпей глоток горячего супа...

- Не беспокойся, - остановил ее Чу Сюмин. - Император не намерен никого вызывать во дворец.

- А? - теперь Шэнь Цзинь была действительно озадачена. - Но разве в Шу ничего не произошло?

Перед Шэнь Цзинь Чу Сюмин не скрывал, что хотя на его лице не было чрезмерного выражения, его глаза были полны насмешки. Шэнь Цзинь потрогала свой живот и нерешительно спросила:

- Почему? Может, он не хочет беспокоить всех на Новый год? - даже сама Шэнь Цзинь считала, что это невозможно. - Может ли быть так, что он боится опозориться?

Чу Сюмин схватил руку Шэнь Цзинь, прижал ее к своей груди и сказал:

- Я боюсь, что через несколько дней мне придется покинуть столицу.

Шэнь Цзинь не сразу стала думать о том, почему император не вызвал немедленно кого-нибудь во дворец, когда получил новости, а повернула голову, чтобы выжидающе посмотреть на Чу

Сюмина.

Чу Сюмин поцеловал уголок ее глаз:

- Я найду способ остаться.

Шэнь Цзинь сейчас почти на седьмом месяце беременности, Чу Сюмин не смел везти ее куда-нибудь. Будь то возвращение в приграничный город или в Минь, в карете придется ехать почти два месяца. В доме Юннин Бо были готовы к родам, но в дороге... это первый ребенок Шэнь Цзинь, и Чу Сюмин не мог позволить ни малейшей небрежности. Поэтому все, что можно сделать, это найти способ остаться в столице, пока Шэнь Цзинь не родит.

Шэнь Цзинь некоторое время никак не реагировала и ошеломленно сказала:

- Разве ты не уезжаешь из столицы через несколько дней? Почему ты хочешь найти способ остаться?

Чу Сюмин осторожно погладил Шэнь Цзинь по животу. Шэнь Цзинь посмотрела вниз и отреагировала. Она была немного тронута, но чувствовала, что это нехорошо:

- Придется все отложить, верно?

- Здесь нечего откладывать, - сказал Чу Сюмин, когда услышал это. - Я тоже не готов покинуть столицу.

Шэнь Цзинь подумала, что то, что сказал Чу Сюмин, было немного сложным, но, подумав немного, она уловила суть. Чу Сюмин не был готов покинуть столицу. Он мог покинуть столицу, но был полон решимости не уезжать. То, что это не задержит его дела, означало, что он останется с ней. Теперь Шэнь Цзинь почувствовала полное облегчение, зевнула и сказала:

- Тогда давай спать.

- Хорошо, - Чу Сюмин обнял Шэнь Цзинь и сказал, - Спи.

Зная, что Чу Сюмин не уйдет и не будет откладывать свои дела из-за нее, Шэнь Цзинь теперь была довольна, и прежде чем Чу Сюмин успел сказать ей несколько слов, Шэнь Цзинь заснула.

Когда она проснулась на следующий день, Чу Сюмина уже не было. Момо Чжао ждала, пока Шэнь Цзинь освежится, выпив козьего молока. Когда не нужно было встречать гостей дома, Шэнь Цзинь одевалась просто, и не пудрила лицо, достаточно было слоя крема.

После завтрака Шэнь Цзинь почувствовала, что ей нечем заняться.

Когда Аньпин увидела это, она сказала:

- Госпожа, почему бы вам не позвать Кроху, чтобы он поиграл с вами?

Поскольку Шэнь Цзинь боялась холода, момо Чжао и девочки тоже боялись застудить ее, поэтому в доме каждый день сжигалось очень много угля, и достаточно было надеть тонкую хлопковую одежду. Но Кроха сменил свой мех на зимний, густой и плотный, поэтому он не любил входить в дом, а если и входил, то лежал на полу, высунув язык и постоянно пыхтя.

Шэнь Цзинь было его жалко, поэтому она сказала:

- Забудь об этом, ему здесь слишком жарко.

Момо Чжао улыбнулась:

- Почему бы вам не придумать имя для ребенка?

- Да! - Шэнь Цзинь улыбнулась, когда момо Чжао напомнила ей. - Муж сказал мне дать ребенку домашнее прозвище.

В новогоднюю ночь по традиции не разрешалось использовать иголки и нитки, поэтому несколько человек сели в сторонке и занялись плетением. В прошлый раз Шэнь Цзинь сказала, что ей нравится то, что делает Шуанцяо. С тех пор, как служанка ее сестры прислала ей коробку бус, Аньпин и Аньнин внимательно изучили их, а также пошли к момо Чжао, чтобы спросить ее об этом. Кто бы мог подумать, что момо Чжао действительно знает много новых трюков и обучит их. Сейчас они медленно тренировались и, по словам момо Чжао, у них получалось уже немного лучше.

Но Шэнь Цзинь считала, что у них получается очень хорошо. Ей всегда казалось, что она довольно умелая, но на самом деле она не умела вязать и плести, поэтому все пошло наперекосяк.

- Вообще-то я хорошо вышиваю, - Шэнь Цзинь удобно откинулась на подушку. Затем она вздохнула. - Когда я еще была незамужем, я была единственной среди моих сестер, кто умел хорошо и красиво вышивать.

В ее голосе было немного самодовольства, и момо Чжао сказала с улыбкой:

- Эта старая служанка тоже так думает, и я слышала от управляющего Чжао, что молодой генерал-майор очень дорожит перчатками и головными повязками, которые вышила госпожа.

Шэнь Цзинь сказала:

- Дорожит? В следующий раз, когда муж будет писать младшему брату, не забудьте напомнить мне, чтобы я передала ему запасные, чтобы он взял их с собой. Если они порвутся, мы можем сделать ему еще, - хоть она и говорила так небрежно, но все равно Шэнь Цзинь была рада это услышать.

Момо Чжао улыбнулась и кивнула. Конечно, молодому генерал-майору это понравилось, но ему было слишком стыдно брать их с собой в лагерь. Шэнь Цзинь выбрала лучший мех для изготовления перчаток и головной повязки, мягкий и красивый. В нем было тепло и комфортно при ношении, но внешний вид... В первый раз, когда Чу Сююань принес их в казарму, над ним все смеялись. Чу Сююань был молодым и худощавым, и не хотел выглядеть как девушка. В конце концов, он убрал перчатки и повязку, чтобы снова носить, когда не будет в казарме. Но поскольку большую часть времени он проводил в лагере и дома, у него не было возможности использовать их снова. Однако момо Чжао не стала рассказывать об этом Шэнь Цзинь.

Даже опираясь на подушку, посидев некоторое время, Шэнь Цзинь почувствовала усталость и попросила Аньпин и Аньнин помочь ей медленно пройти по дому, в то время как момо Чжао говорила о подготовке родильной комнаты:

- Акушерка и врач были специально вызваны генералом из приграничного города, так что вы можете быть уверены и использовать этих людей.

- А как насчет кормилицы? - Шэнь Цзинь хотела кормить ребенка сама, но что, если молока не хватит и ребенок будет голодать? Поэтому необходимо было подготовить кормилицу.

- Ванфэй помогла найти одну, и сейчас она живет в особняке Жуй Вана, - сказала момо Чжао, - Когда у госпожи родится ребенок, мы заберем ее в резиденцию.

Шэнь Цзинь кивнула, а момо Чжао сказала:

- Госпожа, эта старая служанка хочет кое-что спросить у госпожи.

- О! - глаза Шэнь Цзинь загорелись от ее слов, она всегда думала, что момо Чжао знает все на свете, а теперь у нее есть вопрос к ней! Так что это правда, что она все еще умнее. Шэнь Цзинь стала терять свою уверенность, потому что ее мать всегда говорила что-то о том, что беременные женщины глупеют на три года.

Момо Чжао оглядела маленьких служанок. Шэнь Цзинь все еще ждала, когда момо задаст ей вопрос. Момо Чжао еще раз подмигнула, и Шэнь Цзинь моргнула, огляделась вокруг на мгновение и вдруг сказала:

- О, о. Я поняла. Все выйдите. Аньнин и Аньпин, дежурьте снаружи.

- Да, - по ее команде все вышли, а Аньпин и Аньнин подошли к двери и к окну.

Впервые Шэнь Цзинь поняла, что момо Чжао все еще так ценит свое достоинство, и успокоила ее:

- Ну, момо, теперь, когда больше никого нет, не стоит стесняться задавать вопросы!

Момо Чжао не знала, плакать или смеяться, но теперь, когда ее цель была достигнута, она больше не заботилась об этом и сказала:

- Да.

Шэнь Цзинь кивнула и поторопила ее:

- Спрашивайте, - она весь день провела в доме и немного заскучала.

Момо Чжао налила Шэнь Цзинь чашку воды и сказала:

- Сегодня рано утром император вызвал бывшего премьер-министра во дворец, сказав, что императрица скучает по своей семье.

Шэнь Цзинь кивнула, это была хорошая отговорка, но было слишком раннее утро. Неужели так трудно было сдерживаться до утра? Должно быть, император вызвал его, чтобы придумать плохие идеи и запугать ее мужа, но муж уже давно знает... Хм, когда муж вернется, почему бы не съесть эту кисло-сладкую рыбу в полдень, вчера момо Чжао, кажется, говорила, что в доме специально вырастили несколько рыб...

Момо Чжао посмотрела на пустые глаза Шэнь Цзинь. Та застыла словно в оцепенении, какая-то беспомощная. Момо Чжао не хотела мешать, ожидая, пока Шэнь Цзинь подумает, как вдруг она сказала:

- Момо, почему бы в обед не съесть кисло-сладкую рыбу?

- Хорошо, - момо Чжао поняла, что дело принимает обычный оборот, и ответила. - Эта старая служанка сейчас пойдет на кухню, чтобы дать указания.

Шэнь Цзинь удовлетворенно обхватила свой живот и кивнула:

- Сделайте еще один маленький вегетарианский горшочек, но тофу должен быть жареным.

- Хорошо, - поклонилась момо Чжао.

Шэнь Цзинь кивнула и, задумавшись на мгновение, сказала:

- Верно, момо только что сказала, что императрица соскучилась по своим родственникам и позвала родителей во дворец, о чем вы переживаете?

На этот раз момо Чжао продолжила:

- Как вы думаете, госпожа, как они поступят с генералом?

Шэнь Цзинь задумалась на мгновение, сделала глоток чая и вдруг вспомнила, что вчера сказал Чу Сюмин:

- Неудивительно, что муж вчера сказал, что не может уйти.

Момо Чжао кивнула:

- Да, генерал боится, что император заставит его покинуть столицу.

- Да, - кивнула Шэнь Цзинь.

Момо Чжао спросила:

- Почему вы так думаете, госпожа?

Шэнь Цзинь сказала совершенно серьезно:

- Потому что он хочет, чтобы муж ушел.

Момо Чжао улыбнулась, но когда она увидела выражение глаз Шэнь Цзинь, то почувствовала себя маленькой лисой, которая только что украла виноград, с легким самодовольством:

- Тогда, госпожа, расскажите мне об этом.

Только тогда Шэнь Цзинь пошевелила ногами и сказала:

- Я не скажу вам.

Момо Чжао развеселилась:

- Эта старая служанка приготовит любимую выпечку госпожи сегодня днем.

Шэнь Цзинь на самом деле была немного смущена и, поглаживая живот, размышляла, что бы сделала в этом случае наложница Сюй. Момо Чжао не прерывала ее. Подумав об этом, Шэнь Цзинь все же решила, что император, желая избежать позора, хотел отправить Чу Сюмина из столицы, и думал, что без Чу Сюмина гражданские и военные министры при дворе ничего не скажут.

Шэнь Цзинь не могла больше ничего придумать, поэтому она рассказала эту версию момо Чжао. Хотя момо Чжао считала эту причину нелепой, но... почему-то очень правдоподобной. Было ли это потому, что выражение Шэнь Цзинь было слишком искренним, или потому, что вещи, которые император делал в предыдущих случаях, были просто слишком...

Выслушав ее, момо Чжао позвала девушек ее обслуживать, а сама пошла на кухню, чтобы приготовить Шэнь Цзинь то, что она хотела съесть, а Шэнь Цзинь откинулась на мягкую подушку, обняв живот, и задумалась.

Поскольку Чу Сюмин обещал жене остаться и ждать в столице, он должен был сделать дополнительные приготовления, чтобы не дать императору повод выдворить его из столицы.

Управляющий Чжао спросил:

- Генерал принял решение?

Чу Сюмин сказал:

- Да, кроме того, те вещи еще не найдены.

При упоминании о вещах, лицо управляющего Чжао также стало серьезным. Самой важной целью их встречи в столице на этот раз было найти те вещи. Чу Сюмин промолчал, и управляющий Чжао сказал:

- Я боюсь, что они действительно во дворце.

Чу Сюмин кивнул. Не так уж много мест, где можно что-то спрятать. Наиболее вероятное место было в бывшем дворце кронпринца. Но после того, как нынешний император сел на трон, он тоже искал эти вещи, и потому приказал сровнять его дворец с землей и перестроить. В конце концов, он даже запер двор и никому не разрешалось оставаться там, кроме нескольких близких друзей.

Дворец первого принца изначально был самым большим и лучшим, помимо дворца императрицы и вдовствующей императрицы. Но теперь, после действий императора, он ничем не отличался от холодного дворца.

- Боюсь, что они не во дворце кронпринца, - заговорил Чу Сюмин.

Если бы они были там, боюсь, император уже нашел бы их. В конце концов, император рыл носом землю на три фута и даже уничтожил некоторые сокровища кронпринца.

Думая об этом, Чу Сюмин оставалась спокойным, но лицо управляющего Чжао уже стало свирепым, а его глаза покраснели. Вспоминая талантливого, нежного и скромного кронпринца, управляющий Чжао стиснул зубы, но тут его кулак сжала рука Чу Сюмина.

Управляющий Чжао сделал несколько глубоких вдохов, прежде чем успокоиться:

- Я вышел из себя.

Только тогда Чу Сюмин отпустил его руку, но не сразу заговорил. Управляющий Чжао даже не воспользовался чашкой, а выпил почти весь чайник, прежде чем действительно успокоился и сказал:

- Тогда, как сказал генерал, мы должны сначала посоветоваться с госпожой по этому вопросу?

- Да, - сказал Чу Сюмин, опустив глаза. - Это необходимо.

Они еще немного доработали свой план, и только тогда Чу Сюмин вернулся и увидел свою маленькую жену, которая сидела в оцепенении. Он подошел, коснулся ее лица и спросил:

- Что случилось?

Шэнь Цзинь моргнула и посмотрела на Чу Сюмина на мгновение, прежде чем с улыбкой ответить:

- Муж.

Чу Сюмин ответил, сел рядом с Шэнь Цзинь и спросил:

- О чем ты думаешь?

После того, как Чу Сюмин вошел, Аньпин и Аньнин отступили во внешнюю комнату, а Шэнь Цзинь прислонилась к руке Чу Сюмина и сказала:

- Моим ногам неудобно.

Чу Сюмин протянул руку, чтобы помочь Шэнь Цзинь помассировать ей ноги. Иногда, особенно ночью, когда она спала, ноги Шэнь Цзинь внезапно сводило судорогой, и они болели. Даже тогда Шэнь Цзинь не просыпалась, только хныкала и стонала. Чу Сюмин сначала не понял, что происходит, и позвал к себе момо Чжао. Позже он узнал об этом и когда Шэнь Цзинь чувствовала себя неудобно, он растирал ей ноги.

Если бы момо Чжао не сказала ей по секрету, Шэнь Цзинь даже не узнала бы об этом.

- Момо Чжао кое-что сказала мне... - и Шэнь Цзинь рассказала свои догадки и некоторые свои мысли.

Чу Сюмин вдруг почувствовал, что хоть они с управляющим Чжао так много обсуждали, возможно, правда действительно была такой, как думала Шэнь Цзинь:

- Мне тоже есть, что сказать тебе.

Чтобы Шэнь Цзинь не думала слишком много, Чу Сюмин даже осторожно объяснил:

- Я не могу пока покинуть столицу, потому что есть еще кое-что.

Когда он закончил, он увидел, что на лице Шэнь Цзинь не было выражения беспокойства или вины, а скорее было похоже на взгляд дурака, и когда Чу Сюмин закончил, Шэнь Цзинь схватилась за живот, непрерывно смеясь:

- Муж, ты такой глупый.

Чу Сюмин удержал Шэнь Цзинь, чтобы она случайно не ударилась об него, пока смеялась. Шэнь Цзинь отсмеялась и только тогда сказала:

- Муж, ты никогда не думал, что если ты действительно притворишься, что был ранен в результате попытки убийства, это заставит императора задуматься?

Раз это пришло им в голову, то естественно, и сторона императора будет на чеку. Шэнь Цзинь серьезно сказала:

- На самом деле есть очень простое решение.

Сегодня Шэнь Цзинь чувствовала себя необычайно умной. Не только момо Чжао пришла спросить ее совета, но и даже Чу Сюмину пришлось обратиться к ней за советом. Она с большим энтузиазмом болтала ногами и с нетерпением смотрела на Чу Сюмина, как маленький зверек, выпрашивающий еду.

Чу Сюмин положил одну руку на мягкий диван, поцеловал Шэнь Цзинь в уголок губ и сказал:

- Моя прекрасная жена, не могла бы ты рассказать мне об этом?

Шэнь Цзинь сказала:

- То, что вы, ребята, придумали - слишком хлопотно.

Лицо Чу Сюмина и без того было красивым, а слегка приподнятые уголки губ добавляли еще немного шарма, а его глаза были настолько опьяняющими, что Шэнь Цзинь не смогла удержаться, зацепила пальцами тыльную сторону его ладони и сказала:

- На самом деле, когда император скажет об этом, не будет ли лучше просто отказаться? Не сможет же он связать тебя и выслать из столицы?

- ... - Чу Сюмин от удивления потерял дар речи. Глядя на самодовольную Шэнь Цзинь, он внезапно рассмеялся и сказал. - Ты права, я слишком много думал.

Шэнь Цзинь удовлетворенно прищурилась и сказала:

- Да.

На самом деле, имея дело с таким человеком, как император, который любил играть в маленькие хитрости, лучший способ - быть прямолинейным. Таким образом, у него не будет выбора.

- Когда придет время, ты можешь просто сказать, что хочешь остаться со мной.

Чу Сюмин кивнул:

- Да, я хочу остаться с моей очаровательной женушкой.

Глядя на самодовольный взгляд Шэнь Цзинь, Чу Сюмин не удержался и медленно провел рукой по ее шее. Другая рука потянулась к ее юбке.

- Моя очаровательная женушка...

Шэнь Цзинь только почувствовала слабость в теле и упала на диван. Покраснело не только ее лицо, но и все тело. Она раздвинула ноги.

- Ну... не надо... не надо..

Голос котенка, молящего о пощаде, заставил Чу Сюмина осторожно наклониться вбок, чтобы не давить на живот Шэнь Цзинь.

<http://tl.rulate.ru/book/48276/1787832>